

3. Болдырев Н.Н. Концепт и языковое значение. Лексические и грамматические концепты [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивная семантика. – Тамбов: изд. Тамбовского университета, 2001

4. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежицкая. – М., 2001. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

5. Зализняк А. Языковая картина мира [Электронный ресурс] / А. Зализняк. – www.krugosvet.ru/articles/ – 2001

6. Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс] / Словарная статья. – <http://kogni.narod.ru/>

7. Концептуальная метафора [Электронный ресурс] / Словарная статья – <http://referatoff.ru>

8. Маслова В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М., 2001

9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] / С.Г. Тер-Минасова. – <http://www.vusnet.ru/biblio/archive/> – 2005.

М.И. Гомбоева, А.В. Спиридонова
Чита

Региональная культура: сущность, морфология и специфика бытования

The article analyzes conceptual foundation of the term "regional culture". Regional culture of Eastern Zabaikalye is observed as a special form of Russian culture variation that has some differences from Russian national culture presented in the interaction of universal and local but with an obvious domination of local over universal. It determines the specificity of regional culture of Eastern Zabaikalye. Cultural room of Eastern Zabaikalye is characterized as typical and typological resemblance of cultures of the region and is regarded as interpersonal social and cultural space with historical common values formed in cultural and personal interaction.

Предпосылки изучения концепта региональная культура: краеведение, регионалогия, культурные гнезда.

Анализ содержания понятия «региональная культура» основывается на теории «культурных гнезд» Н.К. Пиксанова как своеобразных локальных территориально-поселенческих образований со специфической культурно-исторической средой, характеризующейся двумя важнейшими признаками: самобытность локальной культуры и специфика ее институциональной организации (6).

На исходе XX века интерес к культурным гнездам отражает кризис крупномасштабности, реакцией на этот процесс является актуализация изучения локализации культуры. Интерес представляют современные российские исследования складывания региональных культур, обращающиеся к вопросам генезиса исторической коллективной памяти сообщества (А.В. Дахин), обуславливающей своеобразную социокультурную среду сообщества феноменом коллективного себя-именования и себя-выделения среди других. «Материалами», в которых воплощается это себя-именование, выступают язык, территория, различные формы искусства, формы и нормы повседневной организации труда, быта, отдыха, а также предметно-пространственная бытовая и архитектурная среда (3).

Современные регионоведческие исследования зарубежных авторов (А. Даллин, К. Зегберс, С. Уайт, Дж. Ханн и др.) корреспондируют с российской исследовательской традицией. Так,

ситуативная историография, или кейс-стади, реанимирует пиксановскую терминологию, рассматривая локальное явление как неповторимое, невозпроизводимое в других условиях в качестве целостного и уникального события, вовлекающего в себя предшествующее, настоящее и будущее.

Исследование сущности региональной культуры, выявление ее неповторимости и вместе с тем сходства с материнской культурой возможно на основе принципов классической диалектики, а именно – на основе диалектического метода, оперирующего философскими понятиями «единичное», «особенное» и «общее». Взаимоотношение содержания указанных понятий при функциональной их определенности позволяет определить как общее, так и особенное в региональной культуре.

По версии К.-О. Аппеля, носители определенной культуры не способны опираться на те ценности, которые имеют статус общезначимых, глобальных, если не находят им подкрепления в своей традиции. Иными словами, любая общечеловеческая универсалия некоторым образом отсылает к особенному, глубинному, традиционному, что подтверждается диалектическим анализом философских категорий, утверждающим, что единичное и общее не только взаимосвязаны, но и постоянно изменяются. Граница между ними подвижна. В процессе развития при известных условиях они превращаются друг в друга: отдельное становится общим и наоборот.

Региональная культура и ее культурный код, по определению Л.В. Вардомского, обусловлены социальным качеством и этническим составом населения, географическими, климатическими, социально-экономическими факторами (2,41). Настоящее исследование специфики региональной культуры Восточного Забайкалья дополняет определение социокультурного кода, акцентируя внимание на морфологической и функциональной операциональности региональной культуры.

Условия формирования региональной культуры, ее исходных компонентов, их энергетический потенциал определили своеобразие морфологии и инфраструктуры культуры, ее содержательной стороны. Региональные особенности культуры отражаются в специфике деятельности как внеинституциональных (обряды, ритуалы, обычаи, интегрированные в образ жизни и мировоззрение жителей регионального сообщества) так и институциональных (учреждения, социальные институты в системе культуры) форм морфологических единиц региональной культуры.

Интерсубъективность региональной культуры, ее смыслов формируется постепенно в ходе исторического освоения региона. Как известно, Забайкалье является полиэтническим многоконфессиональным обществом. До российской колонизации на территории Восточного Забайкалья проживали малочисленные племена коренного населения, относимого к алтайской языковой семье, а в ее составе – к монголоидной группе. Южная часть современной Читинской области осваивалась различными бурятскими племенами, занимавшимися пастбищным скотоводством, а северная – эвенками – представителями тунгусо-маньчжурской языковой группы. Появившиеся в Забайкалье в середине XVII в. русские, в основном выходцы из северных районов России, украинцы, белорусы, отчасти поляки позволили развиваться здесь славянскому населению.

В результате сложных исторических процессов, в Забайкалье, занимающем территорию различных природных зон, складывается своеобразная этническая ситуация. «Находясь в глубине Евразии, Забайкалье, становится своеобразным "домом" для многих народов», как образно замечают Ф.Ф. Болонев, Н.Н. Константинова (7). Ландшафтное разнообразие Забайкалья, возможность заниматься различными видами хозяйственной деятельности стали причиной длительного, относительно бесконфликтного проживания на его территории разных народов и обеспечили этническое многообразие региона.

Проживая на одной территории с коренным населением – эвенками и бурятами, старожилы постепенно приобретали некоторые антропологические особенности, заимствовали элементы быта и культуры этих народов, сохраняя при этом, как правило, свой язык, самосознание, свой культурно-бытовой облик. В свою очередь, принеся и распространив среди местного населения собственные хозяйственные навыки и приемы, старожилы содействовали развитию земледелия, оседлости, строительству городов. Таким образом, на территории Забайкалья постепенно сформировался основанный на бурятском, эвенкийском и в основном русском этносах определенный тип местного населения.

Как отмечают историки, контакты между коренными народностями региона и новыми жителями «приобрели широкий размах и стали постоянным и существенным фактором этнокультурной истории». Природно-климатические условия обуславливали контакты соседей в ходе трудовой деятельности, формируя особые системы жизнеобеспечения, взаимно обогащая как коренные народы, так и новых поселенцев. В качестве примера Н.Н. Константинова приводит народное жилище как форму освоения и приспособления к конкретному пространству, когда традиционный русский дом, адаптированный для жизни в условиях центральной России, обживается представителями коренных народов Забайкалья; или изменения, произошедшие в одежде пришлого населения, связанные с новыми условиями существования, например, охотой в труднодоступных участках тайги (7). Обживание жилища происходит согласно представлениям этнокультурной семантики.

Разнородные культурные элементы усваивались и «сплавлялись» с местными особенностями и осмысливались, локализуясь в региональный тип культуры. В настоящее время регион населен представителями более сотни национальностей. На территории Читинской области проживают: русские (89,8% от общей численности населения области), буряты (6,1%), украинцы (1,0%), татары (0,7%), белорусы (0,3%), эвенки (0,1% от общей численности населения области). При имеющейся этнической разнородности региона его важной чертой является отсутствие серьезных межнациональных конфликтов, присущее населению Забайкалья уважение к другим культурам, этническая терпимость и стремление представителей разных народов к взаимопомощи, хотя противоречия между этносами, главным образом из-за ресурсов, существовали.

Человек, осваивая определенное пространство жизни, вступает в диалогические отношения

с природным миром, с коренными жителями данной территории, с другими «пришлыми» людьми, с миром «духовных сущностей». В ходе этих множественных связей формируются мифологические представления о реальности, создаются символические системы, репрезентирующие определенное сообщество и служащие знаками его консолидации. Таковыми могут стать закрепленные в географическом пространстве артефакты (крепости, храмы, различные типы поселений, административно-хозяйственные учреждения), закрепленные в социальном пространстве человеческие типы (которые объединяют характерные черты личности, воспитанной в определенных исторических условиях на данной территории), закрепленная в ментальном пространстве официальная символика, представляющая регион, формирование языка, как свидетельства завершённой духовной освоенности жизненного пространства.

На основе длительных контактов русских с коренными народами Забайкалья шел интенсивный процесс взаимодействия их языков, в результате чего, как отмечает Л.М. Любимова, сформировались разные варианты билингвизма (русско-национальное, национально-русское) (7). Для региональной культуры характерно формирование особых языковых форм (фонетических, лексических, синтаксических), позволяющих описывать реальность максимально точно, и зафиксированное в говорах. «Говоры жителей Восточного Забайкалья», - отмечают Л.М. Любимова, В.А. Пашенко, «отражают этнографическую лексику, характеризующую своеобразие природных условий Забайкалья, духовно-культурную область жизни коренного населения. Большинство говоров Читинской области являются говорами старожилов, являющихся севернорусскими по происхождению». Говор семейских относится к южнорусскому и сохраняет много своих диалектных черт. Э.А. Колобова приводит такие характеристики забайкальских говоров как аканье, яканье, смягчение [т] в глаголах 3-го лица и т.д. (8, 371). «Словарь русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова содержит большое число фактов, свидетельствующих о взаимовлиянии русского языка и языков коренных жителей Забайкалья – бурят, эвенков, хамниган», замечают Л.М. Любимова, В.А. Пашенко (8, 364).

Географическая отдаленность от центра, зависимость человека от сил природы, суровые природно-климатические условия способствовали формированию специфических черт характера забайкальцев. Понятие «Забайкальцы» может

быть раскрыто через оппозицию «Я – Другие», позволяющую описать человека, принадлежащего к определенной региональной общности, как определенный тип (с набором антропологических, социальных и личностных характеристик), истоки которого заложены в генетическом коде бурят, эвенков и русских. Сельскохозяйственное производство очень трудоемко и требует огромного трудолюбия, терпения и настойчивости. «Две крови, две души слились, навеки перемешались в забайкальце: кроткая, выносливая, по-детски чистая душа здешних аборигенов – эвенков, бурят и широкая, полная силы и удала душа землепроходцев – русских,....От слияния этого образовалась натура особенная: сильная и суровая, упорная и выносливая, жестокая при необходимости, но и простодушная, и добрая, и верная», замечает В. Балябина (1).

Образ «забайкальца» (крепкий, выносливый, немногословный, недюжинной физической силы), существующий в обыденном сознании, безусловно, связан с самоощущением жителей региона, а также зафиксирован внешними по отношению к ним людьми (в том числе в образах героев романа В. Балябина или повестей В. Куренного, стихов Г. Граубина).

Существующее устойчивое выражение – «забайкальский характер» – воспринимается скорее как метафора. В то же время ощущается наполненность понятия неким смыслом, в котором особо акцентируется его социальная значимость. Фраза «проявил забайкальский характер» обычно связывается с такими качествами личности, как самоотверженность, верность долгу, добросовестность, героизм. Известное выражение приобретает ярко выраженный эмоционально-оценочный и этический смысл, адресующий к исторической памяти, времени создания социальной общности людей, для которых понятие «забайкальский характер» является смыслозначимым. Кроме того, мы совершенно отчетливо ощущаем, что существует некий тип личности, для которого набор ценностей, входящих в понятие «забайкальский характер», естественен и органичен. Этот «объемный» образ, который, при желании, можно вызвать в воображении, тесно связан с историей края и осмыслением образа забайкальца в общественном сознании.

Важнейшими компонентами морфологии региональной культуры являются специфические учреждения, социальные институты, обеспечивающие деятельность субъектов в сфере культуры региона. В соответствии с классификацией институтов культуры, предложенной Б.С. Ерасовым, сеть учреждений культуры и искусства Читинской области представлена 3 группами:

институты, предназначенные для осуществления духовного производства (государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Читинское областное училище культуры», государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Читинское музыкальное училище», областной драматический театр, газета «Культура Забайкалья» и др.), институты, транслирующие культурно значимую продукцию (библиотеки, музеи, Читинская областная государственная филармония и др.), институты, организующие и планирующие культурную деятельность, осуществляющие управление культурным процессом (областной комитет культуры, областной методический и информационно-аналитический центр культуры, Читинская областная общественная писательская организация Союза писателей РФ и др.).

Попытка «перевода» региональной культуры Забайкалья, ее смыслов с языка универсальной теории на язык индивидуальной идентичности проявляется в деятельности государственного театра песни и танца «Забайкальские узоры», фольклорного театра «Забайкалье», ансамбля песни и пляски «Забайкальские казаки». Смешение «аутентичного» фольклора с его старинными костюмами, протяжными песнями, хороводами и современных молодежных народных коллективов в ярких эклектичных нарядах с зажигательными плясками рождает мозаичную картину, составленную из фрагментов архаики, массовой и элитарной культур. Отличительной чертой институциональной культуры Восточного Забайкалья можно считать отражение не только локальных, но и сублокальных уровней региональной культуры. Примером является деятельность ансамбля «Живая старина» под руководством Т.М. Зенковой. Одной из задач ансамбля «Живая старина» является фиксирование накопленного старообрядческими общинами духовного богатства, драгоценной устной словесности, богатейшей музыкально-песенной культуры, художественного творчества.

Социокультурная структура региональной культуры Восточного Забайкалья отличается полиморфизмом компонентов. В разных типах поселений, расположенных на территории Забайкалья, существуют свои закономерности взаимодействий уровней региональной культуры. Так, одной из отличительных черт культурного облика южного города Краснокаменск, сформировавшегося в районе уранодобывающего комплекса, является «дефицит историзма» места. Отсутствие исторической цепочки передачи от поколения к поколению комплекса ду-

ховного, интеллектуального и исторического опыта, уникального лишь для определенного локуса, обуславливает компенсацию данного процесса привнесением элементов образцов глобального уровня региональной культуры, как правило, выходящего за рамки базисной социокультурной системы, присущей данному населенному пункту.

В других городах и поселках Забайкалья можно проследить обратную тенденцию, выраженную в явном преобладании локального уровня региональной культуры над ее глобальными и сублокальными проявлениями. Данная тенденция выражается в широко развитых формах традиционного краеведения и историографии, заповедных архитектурно-ландшафтных территориях, городских «исторических центрах» – гг. Нерчинске, Сретенске, Чите, Петровск-Забайкальском, Шилке; специфике местных средств массовой информации, большей частью сосредоточенной на освещении жизнедеятельности локальных сообществ.

Типичной островной культурой на территории Восточного Забайкалья является культура Агинского Бурятского автономного округа, расположенного в междуречье рек Онона и Ингоды. Объединение Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа с образованием Забайкальского края, вследствие которого осуществляется полное или частичное растворение границ мелких территориально-пространственных единиц с передачей их функций утверждающимся на их основе границам более крупных единиц, является условием, определяющим специфику социальных отношений облика региональной культуры Восточного Забайкалья.

В пределах местностей возможно выделение еще более компактных и гомогенных единиц культурно-природного районирования – общин, представляющих собой компактные поселения людей и группы культурных и природных объектов. На территории Забайкалья выделяется этноконфессиональная общность – семейские. Оказавшись оторванными от материнской России, проживая компактно и обособленно, находясь в иноэтническом и инорелигиозном окружении, семейские создали уникальные локальные варианты русской традиционной культуры, соединившие в себе элементы древнерусской эпохи и новообразования, обусловленные характером жизни и быта на новом месте и контактами с местным населением (5). Т.М. Зенкова, исследуя песенную культуру семейских Восточного Забайкалья, указывает на локальные отличия семейских Восточного Забайкалья: «характер в

развитии поселений, строительстве и украшении жилых и хозяйственных построек, в крое одежды, бытовании тех или иных ее типов у семейских Восточного Забайкалья существенно отличается от старообрядцев Западного Забайкалья» (4, 10).

Наконец, на самом низком таксономическом уровне в культурно-природном районировании находятся отдельные культурные и природные объекты – точечные единицы, которыми могут быть храмы, дворцы, музеи, парки и др. Так, природно-культурный комплекс Алханай (Дульдургинский район) является первым национальным парком в Юго-Восточном Забайкалье, представляющим собой особую историческую, экологическую и эстетическую ценность.

Региональная культура Восточного Забайкалья рассмотрена как совокупность культурных и

ментальных особенностей регионального сообщества, как особая форма проявления российской культуры, отличная от общероссийской культуры, проявляющаяся в диалектическом взаимодействии универсального и локального с явным превашированием локального над универсальным, что и определяет своеобразие региональной культуры Восточного Забайкалья.

Разрабатываемые в лаборатории по культурной антропологии ЗабГГПУ проблемы региональной культуры не исчерпывают всех аспектов рассматриваемой проблемы и не претендуют на полноту изучения. Перспективы исследования связаны с дальнейшей конкретизацией отдельных аспектов региональной культуры Восточного Забайкалья.

1. Балябина, В.Г. Аргуней [Текст] / В.Г. Балябина. – Иркутск, 1988.

2. Вардомский, Л.Б., Дергачев, В.А. Регионоведение [Текст]: учебное пособие / Л.Б. Вардомский, В.А. Дергачев. – М.: ИЮИТИ-ДАНА, 2004. – 464 с.

3. Дахин, А.В. Регионализм глобальный – регионализм локальный: две грани региональной стратификации общества [Текст] / А.В. Дахин // Регион в составе федерации: политика, экономика, право. – Н. Новгород, 1999. – С. 74-101.

4. Зенкова, Т.М. Народная песенная культура семейских Восточного Забайкалья (историко-культурологический аспект) [Текст]: автореф. дис... канд. культурологии / Т.М. Зенкова – Улан-Уде, 2003. – 23 с.

5. Кляус В.Л., Супряга, С.В., Пеньковская, У.А. Поэтический фольклор русского старожильского населения Забайкалья и Русского Устья как историко-культурное наследие в диалоге с иноэтничными культурами [Электронный ресурс] / В.Л. Кляус, С.В. Супряга, У.А. Пеньковская. – Режим доступа www/bgu/cult/loc/html

6. Пиксанов, Н.К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар [Текст] / Н.К. Пиксанов. – М., 1928. – С.60.

7. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 2 т. Т.1: - 2-е изд., испр. / Гл. ред. Р.Ф. Генятулин. – Новосибирск: Наука, 2002. – 302 с.

8. Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 4 т. Т.1: А - 3 / Гл. ред. Р.Ф. Генятулин. – Новосибирск: Наука, 2004. – 420 с.

И.И. Осинский, М.И. Добрынина
Улан-Удэ

Интеллигенция в диалоге культур

В июне 2007 г. в г. Улан-Удэ на базе Бурятского госуниверситета состоялась традиционная «Байкальская встреча» - VI Международная научная конференция на тему «Интеллигенция и взаимодействие культур». В ней приняли участие (в том числе и присланными материалами) ученые из 65 вузов, научно-исследовательских институтов, других организаций России, Украины, Польши, Монголии и США.

Цель конференции – выявление основных путей, механизмов, тенденций и последствий взаимодействия культур и роли в этом процессе интеллигенции. В программу пленарного заседания был включен 21 доклад.

Член-корр. РАН Ж.Т. Тощенко в докладе «Интеллигенция и феномен «советское» в духовной жизни современного российского общества» отметил, что при оценке роли и влияния интеллигенции в становлении новой пореформенной России следует иметь в виду, что она внесла особый и специфический вклад в осмысление советского наследия. Этот вклад продиктован осознаваемыми или неосознаваемыми идеологическими ориентациями, желанием приспособиться к происходящим изменениям.

Обычно, когда употребляют слова «советский (ая, ое)», имеют в виду, во-первых, СССР, его историю, возникновение и существование, его противоречивый, сложный и трагический